

А. В. Егоров, Удмуртская соматическая фразеология (в сопоставлении с венгерской). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Ижевск 2010. 305 с.

18 мая 2010 г. на заседании регионального диссертационного совета ДМ 212.275.06 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Удмуртском государственном университете состоялась защита кандидатской диссертации Александра Викторовича Егорова на тему «Удмуртская соматическая фразеология (в сопоставлении с венгерской)».

Работа выполнена под руководством доктора филологических наук профессора В. К. Кельмакова, официальными оппонентами выступили доктор филологических наук профессор А. Н. Куллин (Йошкар-Ола) и кандидат филологических наук О. А. Попова (Пермь).

Исследование особенностей фразеологизмов, отражающих национальную специфику языка, его самобытность, остается важной задачей уралистики несмотря на неоднократные попытки обобщения многообразного фактического материала по отдельным финно-угорским языкам. Нетрудно заметить, что в таких устойчивых словосочетаниях, как идиомы, иносказания, крылатые слова и подобные выражения, запечатлен богатый исторический опыт народа, в них отражены представления, связанные с трудовой деятельностью, бытом и культурой этноса. Тема работы А. В. Егорова актуальна как для удмуртского, так и для финно-угорского языкознания в целом.

Работа состоит из введения (с. 8—39), основной части, включающей четыре главы (с. 40—179), заключения (с. 180—185), библиографии (с. 186—208), списка сокращений (с. 209), двух приложений: 1) список использованных удмуртских соматических фразеологических единиц (в сопоставлении с венгерскими) (с. 210—300); 2) вариант оформления удмуртского фразеологического словаря (фрагмент) (с. 301—305).

Список использованной литературы (с. 186—208) содержит 251 наименование. Иллюстративный материал (семь наименований) дан отдельным списком под заглавием «Художественная литература» (с. 208).

Автор использовал значительное количество источников. Однако при подготовке работы к опубликованию А. В. Егоров может воспользоваться лингвистическими данными и теоретическими обобщениями и таких трудов, как Ю. Н. Афонькин, Русско-немецкий словарь крылатых слов, Москва 1990; Ф. Ф. Гаффарова, Татарско-русский словарь идиом, Казань 2006; Ф. Т. Грачева, Марий фразеологий мутер. Тунемше-влаккан пособ, Йошкар-Ола 1989.

Сравнение фразеологизмов народов полиэтнического Урало-Поволжья может дать общее представление и определенную информацию об истории и быте жителей этой области или носителей определенного языка. Особенности взаимосвязей народов Урало-Поволжья становятся явными и неоспоримыми, если сходноструктурные разноразличные фразеологические единицы являются схожими или идентичными в смысловом отношении, например, мар. *шійм шелеш* букв. 'сердце раскалывается', удм. *сюлэм пилиське* букв. 'сердце раскалывается', венг. (*majd megszakad a szíve* букв. 'сердце разрывается на части', тат. *йөрәк өзгәләнә* букв. 'сердце разрывается; сердце ноет'. Национальная специфика фразеологии проявляется в значении фразеологизмов, в их грамматических моделях.

Рубрики и подрубрики основной части исследования соразмерны друг другу как по структурному делению, так и по насыщенности языковыми материалами. Композиция соответствует решению поставленной цели — классификации удмуртских фразеологических единиц по соматическому

признаку, их изучению в лексико-грамматическом и структурно-грамматическом аспектах, а также сопоставлению с венгерскими эквивалентами (с. 9).

При этом в центре внимания находятся такие задачи, как обзор основных фразеологических исследований по русскому, финно-угорским, в том числе и удмуртскому, языкам; определение признаков и характерных особенностей фразеологической единицы (ФЕ); выявление границ фразеологии как лингвистической дисциплины; классификация удмуртских фразеологических единиц по соматическому признаку; лексико-грамматическая классификация удмуртских ФЕ (с точки зрения соотносительности их с различными частями речи); анализ ФЕ удмуртского языка в структурно-грамматическом аспекте; сопоставление удмуртских соматических ФЕ на каждом из этапов исследования с венгерским (с. 9—10).

Специфика объекта исследования определила в качестве основного методологического подхода дескриптивный, оперирующий методами сплошной выборки фразеологизмов из словарей; анализ различных ФЕ и их групп в количественном отношении; определение структурных особенностей ФЕ. На основе методов контрастивной грамматики устанавливались сходства и различия в структуре фразеологизмов удмуртского и венгерского языков.

Во введении указываются актуальность темы, объект, предмет, цель и задачи исследования; интерпретируются лингвистические методы; описываются источники работы; раскрывается научная новизна исследования, его теоретическая и практическая значимость; определяется ее структура (с. 8—13). Кроме того, дается историография русских, финно-угорских, удмуртских и венгерских фразеологических исследований (с. 13—39), которую характеризует широта охвата источников и глубина проникновения в сущность анализируемого материала — проблема сводится как бы к выбору принципов лексикографического описания фразеологизмов русского и финно-угор-

ских языков в целом и углубленной интерпретации категориальных признаков фразеологизма удмуртского и венгерского языков, его формы, смысловой структуры, лексической и грамматической сочетаемости ФЕ со словами в речи. Однако не обращено внимание на материал в таких учебных пособиях для вузов, как «Современный марийский язык. Лексикология» Д. Е. Казанцева и Г. С. Патрушева (Йошкар-Ола 1972, 118—148), «Кызытсе марий йылме. Лексикология» Л. И. Барцевой и И. С. Галкина (Йошкар-Ола 2003, 111—141).

Глава 1 «Понятие о фразеологии» (с. 40—56) является наиболее теоретизированной частью работы и состоит из пяти разделов: 1.1. Понятие о ФЕ, ее основные признаки; 1.1.1. Понятие о ФЕ и ее основных признаках в удмуртской лингвистике; 1.1.2. Понятие о ФЕ и ее основных признаках в венгерской лингвистике; 1.1.3. Понятие о ФЕ и ее основных признаках в трудах других финно-угорских лингвистов; 1.2. ФЕ в ее отношении к другим единицам языка. Объем и границы фразеологии.

Высказывая свое отношение к «широкому» или «узкому» пониманию фразеологии, А. В. Егоров правомерно обобщает, что «мы придерживаемся того направления во фразеологии, которое рассматривает ее в узком смысле, другими словами, в нашем понимании, к фразеологическим единицам относятся устойчивые словосочетания, переносные полностью. При таком подходе пословицы, поговорки, крылатые выражения, представляющие собой по своей структуре законченные предложения, а также различные перифразы и др. не включаются в состав фразеологии» (с. 42). Далее он отмечает основные признаки ФЕ: устойчивость лексического состава, воспроизводимость в готовом виде, раздельнооформленность, переносное значение и эмоционально-экспрессивный оттенок (с. 47).

В данной главе рассматриваются интерпретации понятия о ФЕ и ее основных признаках в удмуртской, венгерской лингвистике и в трудах других финно-угроведов. В этой связи за-

служивает внимания следующее рассуждение А. В. Егорова: «Рядом с термином *фразема* [в венгерской научной литературе. — А. К.] часто ставят термин *фразеологизм* или *идиома*. Термин *фразема* для венгерской лингвистики является сравнительно новым и непривычным, но бесспорно вписывается в следующий ряд: *фонема* > *морфема* > *лексема* > *фразема*» (с. 50). Возникает вопрос: употребляется ли термин *фразема* в удмуртской лингвистике? Каким смысловым содержанием он наполнен?

Глава 2 «Классификация удмуртских ФЕ по соматическому признаку (в сопоставлении с венгерскими ФЕ)» (с. 57—115) посвящена актуальной, но недостаточно разработанной в удмуртском языкознании проблеме. Автор справедливо констатирует, что «под соматическими фразеологизмами понимаются ФЕ, составными компонентами которых являются слова — наименования частей человеческого тела, тела животных» (с. 57). Автор рассуждает: «Удельный вес соматических фразеологизмов во фразеологическом составе языка объясняется прежде всего тем, что слова, называющие части тела, относятся к древнейшему пласту лексики языка. Они характеризуются устойчивостью, большей частотностью употребления и разветвленностью семантической структуры» (с. 57).

Методом сплошной выборки из различных словарей было зафиксировано и рассмотрено 918 ФЕ удмуртского языка с привлечением их венгерских эквивалентов. Классифицируя удмуртские ФЕ по соматическому признаку, автор выделяет 91 группу. Наиболее многочисленны группы ФЕ со следующими соматическими элементами (в скобках количество ФЕ): *син* 'глаз, глаза' (119), *йыр* 'голова' (109), *сюлэм* 'сердце' (78), *кыл* 'язык' (68), *ки* 'рука; кисть' (57), *ым* 'рот' (51), *пыд* 'нога; копыто; лапа' (44), *пель* 'ухо, уши' (35), *кбт* 'живот; брюхо' (33), *ныр* 'нос; клюв; рыло; морда' (29), *быж* 'хвост' (19), *пинь* 'зуб, зубы' (19), *чиньы* 'палец, пальцы' (16), *ымныр* 'лицо' (16), *вир* 'кровь' (12), *чырты* 'шея' (11).

Глава 3 «Структурно-грамматическая классификация соматических ФЕ удмуртского языка (в сопоставлении с венгерскими ФЕ)» (с. 116—158) состоит из 9 рубрик и 48 подрубрик, включая выводы о результатах анализа удмуртских соматических ФЕ в структурно-сопоставительном аспекте.

Автор выделил 74 различных структурных типа. Преобладающим среди удмуртских соматических ФЕ является тип S (substantive) + V (verb). А. В. Егоров обнаружил 323 удмуртские ФЕ, подходящие под данный тип. Несколько меньше ФЕ приходится на структурные типы S (substantive) + S (substantive) — 98 ФЕ; A (adjective) + S (substantive) — 85 ФЕ; S (substantive) + Pp (postposition) + V (verb) — 78 ФЕ; S (substantive) + S (substantive) + V (verb) — 66 ФЕ и т. д.

Классификация удмуртских соматических ФЕ с учетом компонентного состава показала, что наиболее продуктивны в плане образования двухкомпонентные ФЕ. Выявлено 593 удмуртских ФЕ данного типа. Почти вдвое меньше трехкомпонентных ФЕ — 262 примера. Далее следуют четырехкомпонентные ФЕ (45 примеров), пятикомпонентные ФЕ (9 примеров), шестикомпонентные ФЕ (3 примера) и одна ФЕ обозначена как восьмикомпонентная.

Сопоставление наиболее продуктивных структурных типов удмуртских соматических ФЕ со структурными типами их венгерских соответствий показало, что в большинстве случаев они совпадают. В венгерской фразеологии, как и в удмуртской, преобладают такие типы, как S (substantive) + V (verb), — 323 ФЕ; S (substantive) + S (substantive), — 98 ФЕ; A (adjective) + S (substantive) — 85 ФЕ (с. 156).

Структурно-грамматические типы ФЕ с учетом их компонентного состава представлены в таблице 2 (с. 157), а в таблице 3 они показаны в порядке уменьшения количественного состава (с. 158).

Глава 4 «Лексико-грамматическая классификация удмуртских соматических ФЕ» (с. 159—179) написана на основе анализа научной литературы и обширного фактического материала.

Весь фразеологический материал распределен автором на шесть лексико-грамматических разрядов: глагольные (399 примеров, 43,5 % от общего количества фразеологизмов), именные (178, 19,4 %), наречные (31, 3,4 %), модальные (18, 2 %), междометные (3, 0,3 %). Все они фигурируют в разряде номинативных ФЕ. Кроме того, в отдельную группу выделены коммуникативные ФЕ (289, 31,5 %), представляющие по своей структуре предложение (с. 179).

Теоретическая часть исследования завершается заключением (с. 180—

185), содержащим умело сформулированные выводы по четырем главам.

Резюмируя изложенное, можно констатировать, что А. В. Егоров решил многие ключевые вопросы удмуртского языкознания, до сих пор оставшиеся нерешенными.

АНАТОЛИЙ КУКЛИН (Йошкар-Ола)

Address

Anatolij Kuklin
Mari State University
E-mail: ifu@marsu.ru